

СТРОГАНОВА Е.Н.

Калининский госуниверситет

ОБ "ОНЕГИНСКОМ" ВАРИАНТЕ ПОВЕСТИ Л.Н.ТОЛСТОГО
"КАЗАКИ"

Толстой пришел в литературу со своим, специфически толстовским "автопсихологическим" (Л.Я.Гинзбург) героем, который, отражая во многом искания самого автора, явился носителем демократических тенденций эпохи. Вместе с тем герой Толстого связан с традициями предшествовавшей русской литературы, и в первую очередь с творчеством Пушкина. Известно, что первым произведением Пушкина, по-настоящему поразившим Толстого, был роман "Евгений Онегин". Следы влияния этого романа можно обнаружить в ряде замыслов Толстого 1850-х гг., где вполне ощутимо присутствует тип "лишнего человека", прямо ориентированный на Евгения Онегина, но переосмысленный Толстым. Своеобразный тип "лишнего человека", намеченный в раннем творчестве Толстого, не получил своего законченного воплощения, так как не был интересен для автора. Более важным для Толстого оказался герой, который смолоду не был молодым и рано задумался о смысле жизни и назначении человека. О связи этого героя с романом Пушкина и пойдет речь в данной статье.

Уже при первом знакомстве с романом Пушкина "ранний" ум Онегина, несомненно, привлек внимание Толстого, который еще в юном возрасте обратился к коренным вопросам человеческого бытия. И главный герой его уже в первых произведениях — это человек, наделенный "оригинальным, энергическим умом", ничего не принимающим на веру. Такой герой оказался центральным в двух наиболее значительных замыслах Толстого 1850-х гг. — "Романе русского помещика" и "Кавказском романе".

"Казачи" (это название впервые появляется в дневниковой записи 14 ноября 1857 г.) — одно из наиболее долго вынашиваемых произведений Толстого, работе над которым он посвятил с перерывами 10 лет, так и не осуществив совершенно

своего замысла. В рукописях 1853 г. и даже 1857 г. это еще "Беглец", потом "Беглый казак", т.е. в названии обозначен центральный герой. В самых первых вариантах есть уже и герой-офицер, но в процессе эволюции замысла облик его существенно изменяется. Изменяется и его роль в произведении.

Существует устойчивая традиция изучения "Казачков" в сопоставлении их с пушкинскими "Цыганами"². Однако замысел "Казачков" возник независимо от Пушкина.³ Так же как и пушкинская поэма, он связан с руссоистской проблемой "цивилизованный" человек и "естественная" среда. Отсутствие первоначальной связи толстовского замысла с "Цыганами" подтверждается следующими данными. В дневнике Толстого первые записи о задуманном им "Кавказском романе" появляются в апреле 1852 г. К 1853 г. относятся первые черновые наброски, не имеющие ничего общего с "Цыганами". "Цивилизованный" герой Губков прослужил 2 года на Кавказе и приобрел "благоразумный практический взгляд кавказского офицера"⁴. Он тайно любит казачью жену Марьяну, но еще и в помине нет будущей сложности будущего Оленина. И вот в июле 1854 г. Толстой перечитывает Пушкина и записывает в дневнике: "В Пушкине ... меня лоразили Цыгане, которых, странно, я не понимал до сих пор" /47, 10/. Слово "странно" свидетельствует о том, что Толстой открыл в Пушкине нечто близкое ему самому. Пушкинская трактовка проблемы, поднятой Руссо⁵, отвечала собственному опыту Толстого, не нашедшего "исцеления" в нецивилизованной среде, более того, понявшего начало разложения патриархального казачьего мира, утрату им былой цельности и гармонии. Дальнейшая работа Толстого над "Казачками" проходила под знаком "Цыган". Перечитывая поэму в 1856 г., 2 года спустя после того, как он "открыл" ее, Толстой заметит: "...Цыгане прелестны, как и в первый раз..." /47, 79/. Толстовскую трактовку поэмы помогает понять запись, сделанная им в 1857 г., во время напряженной и неудачной, с его точки зрения, работы над "Казачками": "...Кавк[азской] я совсем недоволен. Не могу писать без мысли. А мысль, что добро - добро во всякой сфере, что те же страсти везде, что дикое состояние хорошо, - не достаточны. Еще хорошо бы, ежели бы я проникнулся пос-

ледним" /47, 152/. По мнению Б.М.Эйхенбаума, в этих словах Толстого отразилось его тяготение к эпосу: "Казак", в конце концов, привели к истории — определились, что вне истории э п о с не получается, нет опоры, нет мысли ("дикое состояние — хорошо" — недостаточно). Отсюда все время поиски т о н а, неясность конца"⁶.

Для нас важно, что Толстой вполне сознательно соотносит свое произведение с "Цыганами". Он обращается к тем проблемам, которые поднимает Пушкин, но обогащенный пушкинским опытом. Его герой уже знает, что "всюду страсти роковые", и поэтому он может увидеть сходство между жизнью "цивилизованных" людей и жизнью "туземцев": "...Разве у нас не то же самое? Война. Казни. — Напротив, здесь это еще меньше уродливо, потому что проще" /6, 195/. Герой Толстого знает также и то, что "от судеб защиты нет" и что Лукашкой ему не быть, поэтому мечты об иной жизни и о себе ином возникают в сослагательном наклонении: "Вот ежели бы я мог сделаться казаком, Лукашкой, красть табун, напиваться чихирю, залираться песнями, убивать людей и пьяным влезать к ней в окно на ночь, без мысли о том, кто я и зачем я? Тогда бы другое дело: тогда бы мы могли понять друг друга, тогда бы я мог быть счастливым" /6, 122/. Толстой и в более поздних своих вещах покажет, что человеку невозможно уйти от себя. При всей силе влияния Наташи на князя Андрея ей не дано будет изменить его (как он сам того ни желает); каратаевщина лишь временно одолеет Пьера; Левин не сможет жениться на крестьянке; а Нехлюдов, когда-то в юности изменивший себе, проклянет в себе все наносное, увидев Катюшу на скамье подсудимых, и попытается вернуть свою истинную сущность, его "выламывание" — это путь к себе.

Тема ухода в "Казаках" решается так же, как и в "Цыганах": изменение обстоятельств жизни не изменяет человека. Пушкин уже после "Цыган", в 1827г., иронически писал А.А.Дельвигу о своем брате Льве Сергеевиче: "Он воображает, что имение его расстроено и что истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно"⁷. В повести Толстого мотив веры в благотворное влияние Кавказа дан

также в ироническом ключе. Эту веру, вдохновившую и отъезд на Кавказ самого Толстого, он преодолел, прослужив там совсем немного времени. В январе 1853 г. он записывает в дневнике: "Какую же хваленую пользу делает мне Кавказ, когда я веду здесь такую жизнь?" (46, 157). Эти размышления нашли отражение в произведениях Толстого.

Творческую историю "Казаков" необходимо рассматривать в связи с замыслом "Романа русского помещика", так как они определенным образом связаны между собой⁸. Героя "Романа русского помещика" Дмитрия Нехлюдова Толстой наделяет своим собственным убеждением, что цель жизни "есть благо, а идеал добродетель" (47, 54). В черновом "Предисловии не для читателя, а для автора" Толстой напишет: "Главная мысль сочинения: счастье есть добродетель" (4, 363). Уже в начале своей работы над "Романом русского помещика" Толстой твердо знает, что он хочет показать: "Герой ищет осуществление идеала счастья и справедливости в деревенском быту, а не находя его, он, разочарованный, хочет искать его в семейном. Друг его, она, наводит его на мысль, что счастье состоит не в идеале, а постоянном, жизненном труде, имеющем целью — счастье других" (46, 146). Определяющим в жизнеповедении толстовского героя является нежелание идти "торными дорожками" (4, 125), что роднит его с ищущими героями Пушкина, в произведениях которого (в частности, в романе "Рославлев") возникает мотив "торных дорог". Такой неторной дорожкой для Нехлюдова должна стать деревенская помещичья жизнь, посвященная исправлению главного зла — "самого жалкого бедственного положения мужиков" (4, 371). Так уже в одном из ранних своих замыслов Толстой приходит к проблеме взаимоотношений помещика и крестьянина. Толстовский помещик считает своей "священной и прямой обязанностью" заботу о счастье своих крестьян, однако все попытки его помочь крестьянам разбиваются о глухую стену их недоверия, что, по мысли автора, должно привести героя к временному разочарованию.

Рассказ "Утро помещика", которым увенчалась работа над "Романом русского помещика", заканчивается возникающей в воображении Нехлюдова картиной того, как живет в извозе крестьянскому парню Илюшке, что он видит и чувствует. Картина эта настолько захватывает помещика, что он

шепчет: "Славно!", "и мысль, зачем он не Илюшка — тоже приходит ему" /4, 171/. Такая концовка рассказа показательна, так как Толстой неуклонно шел к признанию высшей правоты в жизни крестьянства, в отличие от жизни представителей господствующих сословий. Одним из этапов этого процесса было следующее признание героя "Юности": "Когда в ... прогулках я встречал крестьян и крестьянок на работах, несмотря на то, что простой народ не существовал для меня, я всегда испытывал бессознательное, сильное смущение и старался, чтоб они меня не видели" /2, 175-176/.

Если для толстовского героя его отношение к народу было чувством бессознательным, то для самого Толстого оно совершенно определилось уже в ранние годы. 26 октября 1853 г. он записывает в дневнике: "Простой народ так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишней жизнью..." /46, 184/. В эти же годы он много размышляет о пагубности воспитания дворянских детей, сравнивая их с детьми крестьянскими: "Одна из главных причин ошибок нашего богатого класса состоит в том, что мы не скоро приываем к мысли, что мы большие. Вся наша жизнь до 25 иногда и больше лет противоречит этой мысли; совершенно наоборот того, что бывает в крестьянском классе, где 15 лет малый женится и становится полным хозяином. Меня часто поражала эта самостоятельность и уверенность крестьянского парня, который, будь он умнейшим мальчиком, в нашем классе был бы нулем" /46, 188-189/. Отголоски этих размышлений находим в черновиках "Романа русского помещика" в словах приятеля Нехлюдова Ламинского, который, не имея возможности жить иначе, чем определено ему отцом, говорит: "Дайте мне свободу и самостоятельность, а не держите, как ребенка..." /4, 362/.

Замысел романа еще некоторое время продолжал волновать Толстого, о чем свидетельствуют две заметки в записной книжке, сделанные в мае и августе 1857 г. /47, 208, 215/. Представляется, что охлаждение к замыслу, так долго занимавшему Толстого, связано с его работой над "Казачками".

Герой "Романа русского помещика" Нехлюдов сразу был задуман Толстым как человек, имеющий целью благо своих крестьян, — это своеобразный итог его поисков смысла жизни. Герой же "Беглеца" первоначально был далек от Оленина, каким он предстает в окончатель-

ной редакции повести. В варианте 1853 г. Губков — это человек, вполне довольный своей кавказской жизнью. Прослужив 2 года на Кавказе, он "уже давно заплатил дань глупостей неестественному взгляду нового человека, смотрящего на вещи не с тем, чтобы понять их, а с тем, чтобы найти в них то, чего ожидало обманчивое воображение" /6, 179/.

В черновом варианте, написанном в апреле 1857 г., герой-офицер — это "богатый молодой человек, храбрый и благородный по-своему, очень сладострастный и гордый своим образованием" /6, 215-216/. Однако уже в вариантах, написанных в начале 1858 г., герой, названный Ржавским, значительно переосмыслен. Определяющим в его поведении становится отказ от "битых дорожек": "...я хочу жить хоть грудно, мучительно, бесполезно, но неожиданно, своеобразно..." /6, 196/. Формой отказа от "битых дорожек" является полнейшее приятие нецивилизованной среды и поэтически влюбленность в казачку, красотой которой герой восхищается как "красотой гор и неба". Он видит в казачке, в ее отношении к жизни идеал, и к нему приходят такое же желание стать, как "они", которое испытал и герой "Утра помещика".

В 1У редакции первой части (осень 1858 г.) Ржавский объяснен еще более глубоко: это человек, "запутавшийся в отношениях общественной жизни". Толстой пишет: "Безобразие русской общественной жизни и несоответственность ее с требованиями разума и сердца он принял за вечный недостаток образования и возненавидел цивилизацию и выше всего возлюбил естественность, простоту, первобытность. Это была главная причина, заставившая его бросить службу в Петербурге и поступить на Кавказ" /6, 188-189/. В последующей своей работе над "Казаками" Толстой, психологически обогащая образ главного героя, вместе с тем усиливает и его социально-историческую обусловленность. В конспекте, написанном в начале 1860 г., где обозначен план всей первой части, о прошлой жизни героя сказано: "его странное Николаевское развитие, отрицать тяжело, согнаться нельзя, жить хочется" /6, 259/.

Уже в новом варианте начала "кавказского романа" (1860) Толстой подробно объяснит, в чем состояло "странное Николаевское развитие" героя: "Странно подделывалась русская молодежь к жизни в последнее царствование. Весь порыв сил, сдержанный в жизненной внешней деятельности, переходил в другую область внутренней деятельности и в ней развивался с тем большей свободой и силой. Хорошие натуры русской молодежи сороковых годов все приняли на себя этот отпечаток несоразмерности внутреннего развития с способностью деятельности, праздного умствования, ничем не сдержанной свободы мысли..." /6, 246/. В этих характеристиках видна явная ориентация Толстого на тип "лишнего человека". Обозначены структурные признаки его характера: несоразмерность умственного развития с возможностью деятельности. В развернутой своей предыстории герой предстает незаурядным человеком с "редким, оригинальным, энергическим умом", не находящим "ни одной дорожки в России, достойной своей деятельности" /6, 249-250/. Усложнение героя вело и к усложнению причин его отъезда на Кавказ; как будто бы он едет для того, чтобы поправить свое материальное положение, но для самого героя эта причина не представляется основной: "Он говорил себе, что ехал для того, чтобы <...> испытать нужду, испытать себя в нужде, чтобы испытать опасность, испытать себя в опасности; чтобы искупить трудом и лишениями свои ошибки, чтобы вырваться сразу из старой колеи, начать все снова, и свою жизнь и свое счастье" /6, 250/.

Этот вариант повести обнаруживает определенные связи с "Евгением Онегиным"; с нашей точки зрения, его следовало бы назвать "онегинским" вариантом. В обоснование этого можно привести следующий ряд аргументов. Толстой долго искал имя своего героя (Губков - Дубков - Ржавский), и лишь в варианте 1860 г. он впервые назвал Олениным. Это имя уже соотносилось с именем героя "Цыган"⁹, однако столь же созвучно оно и имени героя пушкинского романа (ср.: Оленин - Онегин). В предыстории Оленина сказано, что "пошлость жизни начинала со всех сторон обхватывать его" /6, 249/. Это напоминает трактовку образа Онегина В.Г.Белинским, чьи статьи о Пушкине поразили Толстого (ср.: "бездеятельность и пошлость жизни душат его"¹⁰). В этом варианте также

намечены некоторые сюжетные линии и образы, общие с "Евгением Онегиным". Так, Сленин вспоминает о том, как он со своим приятелем Пенсковым (ср.: Пенсков - Ленский) проводил лето в деревне, Пенсков привозит Оленина к соседке-помещице, в дочь которой он влюблен; девушка же полюбила Оленина. Этому посещению предшествует разговор между приятелями, напоминающий беседу Онегина с Ленским: "Ты не знаешь про Нико[но]вых?" раз вечером неожиданно говорит он (Пенсков. - Е.С.).

- "Соседки?"

- "Да, поедем к ним" /6, 251/.

Оленин видит одухотворенность девушки и понимает ее нравственную высоту: "Нет, это не шутка", говорит я [себе], глядя на ее чистый лоб, на этот профиль, на пристально блестящие глаза и чуть сдвинувшиеся тонкие брови. "Мысль, и серьезная мысль, и чувство живет в этом милом прекрасном теле" /6, 252/. Она нравится ему, он готов полюбить ее, но не любит. Отголосок этого варианта - мотив неразделенной любви девушки из общества к Оленину - сохранится и в каноническом тексте.

Мы остановились на приведенных, казалось бы, частных совпадениях именно потому, что они носят не частный, но системный характер, позволяют полнее воссоздать путь поисков Толстым своего героя и определеннее обозначить роль пушкинских реалистических традиций в этом процессе, прежде всего близость Толстого Пушкину в осмыслении проблемы соотношения личности и общества. В окончательном варианте Толстой снимает структурные признаки героя как "лишнего человека", но и здесь остаются некоторые мотивы, роднящие "Казakov" с "Евгением Онегиным".

Толстой, подобно Пушкину, противопоставляет образ жизни представителей господствующего сословия жизни простых людей. "Казак" начинается описанием раннего утра в Москве: "Все затихло в Москве. Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице. В окнах огонь уже нет, и фонари потухли...> На улицах пусто...> Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы.

А у господ еще вечер" /6, 3/. Эти контрасты особенно остро почувствовал Толстой в начале 1860-х гг., когда он и Пушкина уже пропускает сквозь призму народного соз-

нания, И пушкинская мысль о том, что "труд упорный ... тошен" для того, кто вырос без привычки к труду, отвечает в толстовской характеристике Оленина: "Как только, отдавшись одному стремлению, он начинал чувствовать приближение труда и борьбы, мелочной борьбы с жизнью, он инстинктивно торопился оторваться от чувства или дела и восстановить свою свободу". Оленин, как и Онегин, не отдается ничему вполне и тщетно пытается найти себя в разных занятиях: "Так он начал светскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думал посвятить себя, и даже любовь к женщинам, в которую он не верил" /6, 8/.

В черновых вариантах "Казаков", так же как и в "Евгении Онегине", показано недоброжелательное отношение света к человеку, пренебрегшему жизнью большинства. Искания Оленина воспринимаются в обществе как "желанье казаться оригинальным от недостатка ума и образования" /6, 264/. Это напоминает суждения света об Онегине, чья незаурядность является предметом злостобований.

В окончательном варианте "Казаков" Оленин — это человек, способный опутить в наивысшую минуту счастья единение с природой и всем миром, почувствовать, что "он несколько не русский дворянин, член московского общества, друг и родня того-то и того-то, а просто такой же комер или такой же фазан или олень, как те, которые живут теперь вокруг него" /6, 77/.

Приобщившись к миру людей, живущих, "как живет природа", а потому "прекрасных, сильных и свободных", он и сам чувствовал себя "более и более свободным и более человеком" /6, 101/. Это новое, праведное чувство близости к простым людям впервые появляется у героя уже по мере его удаления от Москвы, от привычных условий жизни: "Чем грубее был народ, чем меньше было признаков цивилизации, тем свободнее он чувствовал себя <...> Все казаки, я м ш и к и, смотрителя казались ему простыми существами, с которыми ему можно было просто шутить, беседовать, не соображая, кто к какому разряду принадлежат. Все принадлежали к роду человеческого..." /6, 12-13/. Мысль о братстве людей находит выражение и в показе взаимоотношений Оленина с его дедшиком Ванюшкой¹: "Ванюша смотрел на Оленина только как на барина. Оленин смотрел на Ванюшу только как на слугу. И они оба очень удивились бы, ежели бы кто-нибудь сказал им, что они друзья. А они были друзья,

сами того не знаи" /6, 41/. Социальные различия не уничтожают человеческое в человеке. Так развивается Толстым тема сближения дворянина с народом.

Как показывает творческая история "Казаков", интеллектуальным, ищущим героем офицер становится в тех вариантах повести, которые создавались по выходу в свет рассказа "Утро помещика", т.е. тогда, когда Толстой фактически отказался от мысли написать "Роман русского помещика". Из "Предисловия не для читателя, а для автора", написанного 22 декабря 1853 г., известно, что Нехлюдов должен был побывать на Кавказе /4, 363/, а из описаний Оленина в поздних вариантах "Казаков" и в каноническом тексте ясно, что он занимался хозяйственной деятельностью в деревне. С усложнением образа героя-дворянина в "Казаках" появляется и мотив "торных дорожек", столь важный для пушкинских героев. Таким образом, можно говорить о том, что, отказавшись от мысли написать роман из жизни русского помещика, Толстой передает функции Нехлюдова главному герою "Казаков".

Этот толстовский герой связан с типом героя - "скитальца", созданного Пушкиным, причем соотносится не только с "Цыганами", как это обычно принято считать, но и с "Евгением Онегиным". Структурным признаком такого героя является его "ранний" ум. Он близок Онегину своими духовными исканиями, уже в молодые годы напряженной работой мысли. Однако в отличие от Онегина толстовский герой полон веры в себя и свою судьбу, которую он пытается активно творить сам. Поэтому такой герой не осознается Толстым как "лишний". Все, что могло бы характеризовать его подобным образом, остается в черновиках. Важно также и то, что герой Толстого обретает положительные корни, делающие его более жизнестойким и жизнеспособным: он видит идеал в жизни трудового народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См. об этом: Строганова Е.Н. Читательская память Л.Толстого как стимул художественного творчества // Проблемы комплексного изучения восприятия художественной ли-

тературы. Калинин, 1984. С.104-111.

2 Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. Пб.; Берлин, 1922. С.109, 152; Бурсов Б. Лев Толстой: Идеиные искания и творческий метод. 1847-1862. М., 1960. С.387-390; Гудзий Н.К. Лев Толстой: Критико-биографический очерк. М., 1960. С.58.

3 Творческая история повести подробно освещена Л.Д.Опупьской (см.: Спупьская Л.Д. Творческая история "Казачков" // Толстой Л.Н. Казачки: Кавказская повесть 1852 года. М., 1963. С.352-386).

4 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юбил.изд. М., 1936. Т.6. С.180 (далее ссылки даны в тексте с указанием тома и страницы).

5 Томашевский Б. Пушкин: Кн. первая: 1813-1824. М.; Л., 1956. С.620-634.

6 Эйхенбаум Б.М. Работа над Толстым: Из дневников 1926-1959 гг. // Контекст. 1981: Литературно-теоретические исследования. М., 1982. С.278. Б.И.Бурсов иначе трактует слова Толстого: "Для Толстого, как видим, "недостаточны" ни руссоизм в его ходячем выражении ("дикое состояние хорошо"), ни пушкинская критика его ("Те же страсти везде" - "И всюду страсти роковые")" (см.: Бурсов Б. Указ. соч.С.347).

7 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Л., 1937. Т.13. С.320.

8 Эйхенбаум Б. Молодой Толстой. С. 110, 117.

9 Бурсов Б. Указ.соч. С.389.

10 Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955. Т.7. С.457.

11 В "Капитанской дочке" Пушкин, изображая взаимоотношения Гринёва и Савельича, также утверждает гуманистическую идею единства людей независимо от их сословной принадлежности.

С.Ю.НИКОЛАЕВА

Калининский госуниверситет

ПУШКИН В ВОСПРИЯТИИ ЧЕХОВСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

А.П.Чехов вступил в литературу в 80-е гг. XIX в., которые

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР
Калининский государственный университет

ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ,
ТЕКСТОЛОГИИ , ВОСПРИЯТИЯ

Сборник научных трудов

Калинин 1989